

Алина Весенняя

ГРАНИ ВОСПРИЯТИЯ

Алина Весенняя

Грани восприятия

«Издательские решения»

Весенняя А.

Грани восприятия / А. Весенняя — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-502457-2

Мир полон условностей. Мы воспринимаем его как учили родители и предписывает социум, в котором мы живем. А если посмотреть на происходящее под другим углом? Это может быть очень страшно или все же страшно интересно?!

ISBN 978-5-00-502457-2

© Весенняя А.
© Издательские решения

Содержание

МУМИФИКАТОР	6
Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	13
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Грани восприятия

Алина Весенняя

Корректор Елена Величко

Корректор Наталья Ильина

© Алина Весенняя, 2019

ISBN 978-5-0050-2457-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

МУМИФИКАТОР

Глава 1

Мои девочки... Как они там без меня? Кто им заплетает косички, завязывает бантики, водит на прогулку?

Люди жестокие... Они думают, если девочка перестала дышать и не слышно стука ее маленького чистого сердечка, значит, она умерла, значит, ее нет. Бред! Мои малышки продолжают жить, на радость своему папочке.

О, Боже, начинается! Снова этот свет прожектором бьет в глаза и сводит меня с ума.

Люблю сумерки. Они успокаивают и умиротворяют. Ночь приносит тишину, в которой я обретаю покой и своих дочерей. Только ночью я могу быть самим собой и думать о моих дорогих дочурках: хрупкой белокурой Лике, рыжеволосой кудряшке Нине, смуглолицей брюнеточке Рае. Мои любимые малышки! Как вы там?!

– Макаланов, как спалось?

Этот долговязый извращенец каждое утро задает один и тот же вопрос.

Сейчас мой выход.

– Отлично, доктор, – я демонстративно бодро потягиваюсь в казенной постели.

Конечно, тридцатилетний Петр Иванович – самый настоящий извращенец. Разве можно, будучи нормальным человеком, работать в дурдоме? всю свою сознательную жизнь проводить среди психов, мнить, что понимаешь их и делаешь все необходимое, чтобы придуркам стало лучше.

Глупость! Кто может знать, что лучше для идиота, кроме самого идиота?

Мне нужны были только мои милые девочки, я любил их, заботился о них. Кому это могло помешать или навредить? Нет же! Налетели, словно ястребы, набросились, скрутили, притащили в этот Богом забытый дом. Шесть лет издевались, дрессировали, а сейчас думают, что вылечили и готовят к выписке. Ну-ну!

– Степан, у тебя сегодня в 11—30 судебно-психиатрическая экспертиза. Будем готовить заключение, чтобы перевести на домашнее долечивание. Дома оно веселее, однозначно. Ты готов?

– Я доктор, как пионер, всегда готов!

– Мне будет тебя не хватать... честно, – Петр Иванович трогательно поправил очки на близоруком лице и смачно ткнул иголку шприца в мою тощую задницу.

Вот лицемер.

Сегодня снова будут задавать дурацкие вопросы, в надежде услышать на них правильные, по их мнению, ответы.

Этим горе-психиатрам никогда не понять многомерности окружающего мира, его бесконечной непостижимости. Только некоторые из них к концу своей трудовой деятельности набираются необходимых знаний. Но именно в тот момент, когда они начинают по-настоящему понимать своих пациентов, им нужно уходить. Ибо они становятся одними из нас.

Должны уходить... но они не уходят. Всеми фибрами цепляются за свои рабочие места, готовы переходить на менее престижные и менее оплачиваемые должности, лишь бы быть в своем кругу, среди своих. Там, за стенами этого дома, они одиноки и не поняты. Семьи нет, часто нет детей. Здесь их семья, здесь их дом, здесь их дети. И, как правило, из дурдома выносятся седовласых господ только вперед ногами.

А эти неудачники амбалы-санитары, на которых можно землю пахать! Прошло целых четыре года, прежде чем я понял, что лучше повиноваться, притворяться, подстраиваться, чем попадать в их шершавые грязные лапы.

– И я буду скучать по вам, Петр Иванович.

Пускай потешит себя мыслью, что нравится мне. Дурак очкастый.

– Здравствуйте! Проходите.

– Здравствуйте, доктор!

Вот старый боров, отожрался на казенных харчах. Еще немного и захрюкает. А эти светила мировой психиатрии... как же они мне надоели за шесть лет, век бы их не видеть.

– Как вас зовут?

– Макаланов Степан.

– Какой сегодня день недели, число, месяц, год?

– Понедельник, 13 марта 2120 года.

Я же не идиот, чтобы не знать этого.

– Сколько вам полных лет, Степан?

– 46.

Черт побери, я старый пердун.

– У вас есть семья, дети?

– Нет ни семьи, ни детей. Мама умерла 8 лет назад.

Так я им сейчас и расскажу про своих дочурок. Не зря у меня были хорошие учителя, которые научили держать язык за зубами.

– Как вы себя сейчас чувствуете?

– Хорошо, доктор.

– Вы помните, как попали в наш стационар?

– Смутно. Это было шесть лет назад, и я был не здоров.

– Хорошо, что вы признаете этот факт, Степан. У вас было тяжелое шизофреническое расстройство. Мы склонны полагать, что виной тому послужила ваша профессия и неблагоприятная наследственность. Но вы взрослый человек и должны понимать, что жизнь продолжается. Сейчас медицина располагает достаточным количеством средств, чтобы помочь вам вернуться к нормальной жизни.

– Я благодарен, доктор, за то, что вы для меня сделали.

– Мы за вами вели пристальное наблюдение последние два года и пришли к заключению, что вас можно перевести на домашнее амбулаторное долечивание. Чем будете заниматься после выписки?

– Выполнять все рекомендации и продолжать лечение. Я надеюсь, что у меня получится вернуться в профессию.

– А вот профессию, Степан, лучше сменить. Мне бы не хотелось, чтобы что-то напоминало о вашем прошлом, – доктор достал платок и промокнул вспотевший лоб. – Сейчас вам больше подойдет спокойная работа, например рядового бухгалтера.

– Хорошо, Иван Иванович, я последую вашему совету.

А фиг тебе! Иди и сам протирай штаны в гребаной бухгалтерии.

– Больше не стану вас задерживать. Готовьтесь к выписке. Через три-четыре дня, когда будут готовы все документы, мы отправим вас домой.

Почему больничные коридоры всегда красят в серый цвет? Им, наверное, кажется, что серый успокаивает, а на самом деле он ужасно бесит. Розовый, только нежно-розовый, как платяца моих девочек, вот истинный цвет умиротворения...

Трудыга робот-уборщик тщательно чистит полы. Я уступаю ему дорогу, а потом долго смотрю вслед, потирая затылок.

Как наши предки сами делали эту пыльную работу? Люди до сложной робототехники додумались, а постичь сущность человеческой души так и не смогли.

Значит, скоро мою судьбу выставят на суд! И кто же будет судить, как мне жить дальше? Может, толстая тетка в черном балахоне и угловатой шапке на лысеющей голове? Да кто она такая?!

Будет решать, как мне жить, а у самой дома посуда лежит горой три дня не мытая, а из родственников только тараканы...

Любимая палата номер тринадцать. Последние полтора года пристанище для моих костей и кожи. Говорят, что в былые времена число тринадцать считалось несчастливым. Какая чушь! Здесь я провел самые счастливые годы жизни, предаваясь мыслям о своих дочерях.

Главное было приспособиться к соседу-психу. А так кормили хорошо, особо не насиловали. Хочешь – принимай участие в мероприятиях: зарядка, беседы и все такое, – а хочешь – не принимай.

Ну я, конечно, принимал, делая вид, что мне все очень интересно. Особо не высовывался, но и не производил впечатление излишне замкнутого дурака. Где-то расскажу байку о моем чудесном исцелении, где-то изобразу из себя вежливого джентльмена.

Спокойствие, вежливость и предупредительность сделали свое дело. Меня признали почти здоровым. Если бы они могли влезть в мою голову, если бы только могли! Я научился создавать миры в мирах так ловко, что даже детектор вменяемости остался в дураках. Он был не в состоянии пробить самую последнюю оболочку моего внутреннего мира, виртуального пристанища моей счастливой семьи. И когда во время сеансов я говорил ему, что одинок, он верил и выдавал четкие заключения о моем полном исцелении.

Дверь жалобно скрипнула. Двадцатипятилетний сосед Павлик, неудачник в любви, со склонностью к суициду, с любопытством уставился на меня.

– Ну как? Было страшно? Тебя пытали?

– А ты как думал! Выкручивали руку, били по голове! Вынуждали признаться, что я псих.

– Какой ужас! А ты что?

– А я кремь! Им не удалось меня расколоть. Через три дня выписывают.

– Ты сильный!

– А то!

Пашка с благоговением смотрел на меня. А я важно улегся на постель и медленно прикрыл глаза.

Глава 2

Все, что происходит с нами, предрешено заранее и заложено генетически.

С чего все началось у меня? Прежде всего с любви к тишине и спокойствию. Я родился наполовину аутистом, как и моя бедная мама. Громкие звуки вызывали во мне страх и беспокойство, яркий солнечный свет – головную боль, а мерный шум дождя – приступы неконтролируемой ярости.

Мамочка часто гладила меня по головке и с горечью в голосе приговаривала:

– Бедняжка ты мой.

И тихая слеза катилась по ее состарившейся раньше времени щеке.

Отца я не знал. Родительница рассказывала, что он улетел в экспедицию на Марс и корабль потерпел крушение. И поначалу я этому верил и жалел моего бедного папочку.

Будучи взрослым, однажды ради интереса пробил папулю по базе и выяснил, что он счастливо живет с голубоглазой блондинкой, у них двое детей, и на Марс он никогда не летал, так как работает ассенизатором.

В нашей стране это самая непрестижная и высокооплачиваемая профессия. Человечество готово платить баснословные бабки, лишь бы не утонуть в собственном дерьме.

Мамуле я о своем открытии рассказывать не стал. Она у меня была тихой и спокойной, так до конца дней и прожила в полном неведении. Иногда мне казалось, что она искренне верила в то, что родила сына от астронавта.

Мое детство протекало спокойно и счастливо. Мама когда-то сама прошла адаптационный период и знала, как меня подготовить к реальной жизни. Постепенность, терпение и доброта – это девиз и закон для тех, кто хочет помочь своим особенным детям научиться жить в обычном мире.

А еще мы завели кошку. Эта кошка как будто специально была создана природой для нашей семьи: спокойная, бесшумная и ласковая. Я играл с ней и постигал основы радости, гладил ее, и это позволило узнать тактильные удовольствия. Мы даже вместе спали. Она обнимала меня за шею мягкими тонкими лапками, и я засыпал под ее теплое мурлыканье.

Наша семейная идиллия длилась до тех пор, пока мне не исполнилось три года и не пришло время маме выходить на работу. Она работала архивистом. Тихо сортировала и раскладывала информацию по ячейкам компьютерной памяти.

Но в детский сад меня не взяли – сказали, что слабый и неподготовленный. Посоветовали приходиться через пару лет, а пока заниматься со специалистом и становиться похожим на других детей.

Звонок в дверь расколол тишину и осколком впился в мое маленькое чуткое сердечко.

– Бабушка приехала!

Мамочка вскочила с дивана, книга с ее колен упала на пол, кошка выгнула спину и распушила хвост.

– Мяууу! – протяжно и угрожающе заорала животина.

Я крепко закрыл уши руками и вышел в коридор. На пороге, широко раскинув руки, стояла пожилая упитанная женщина, и улыбка ярким светом озаряла ее морщинистое лицо.

– Мои вы дорогие! – Она сгребла нас с мамой в свои жаркие объятия и поочередно расцеловала, сначала свою дочь, а потом и меня.

Я закрыл глаза, мне казалось, что языки пламени прикасаются к моему лбу. Я желал только одного – чтобы эта пытка скорее закончилась. А она все продолжалась и продолжалась до тех пор, пока я острыми зубками не вцепился в бабулину морщинистую руку.

– Господи Иисусе! Звереныш! – Бабушка наконец-то вернула мне свободу. – Что же это делается-то?

– Степа! Так нельзя! – мама впервые повысила на меня голос. – Иди в комнату и посмотри книжку.

– Ааааа! – заорал я что есть мочи.

– Сыночек, сыночек, все хорошо, это твоя бабушка, – мама испуганно гладила меня по голове и пыталась успокоить.

Бабуля так и застыла в дверном проеме с отвисшей челюстью. Она никак не ожидала такого «теплого» приема. Хотя почему же? Были времена, когда ее дочь вела себя так же. Если ей что-то не нравилось, она просто кричала.

Я понемногу успокоился, мама прикрыла дверь, бабуля, схватившись за сердце, присела на кушетку. Это был первый и последний раз, когда она меня поцеловала.

Уклад нашей жизни поменялся. Мама уходила на работу, а мы с бабушкой оставались дома. Три раза в неделю приходила добрая тетя, детский психиатр, играла со мной и ненавязчиво корректировала поведение.

Всем игрушкам я предпочитал общество кошки. Мы без слов понимали друг друга. Но этого было недостаточно. Я должен был полюбить обычные детские игры: кубики, книжки-раскраски, веселые пазлы, плюшевые игрушки.

С игрушками было хуже всего. Эти медвежата и зайцы казались мне ужасно безобразными, а их улыбки – зловеще-притворными. В это время я стал видеть первые сны. Они, конечно же, были цветными и страшными. В ночных кошмарах медвежата и зайцы обступали меня со всех сторон, скалились человеческими ртами и выпученными глазами заглядывали в лицо. Я, сжав кулаки, что есть мочи колотил по их мягким головам, и мои руки вязли в цветном плюше. Я часто просыпался на полу со сжатыми кулаками, а рядом валялся очередной распотрошенный заяц.

Однажды я рассказал маме о странных снах.

– Не бойся, дорогой, – мама погладила и поцеловала мою руку, – это просто игрушки.

Но с тех пор мягкие монстры исчезли из нашего дома навсегда.

И с бабушкой мы понемногу подружились. Она пекла волшебные плюшки с творогом. Но иногда забывалась и слишком громко звала меня к столу. Тогда аппетит у меня пропадал на пару дней. И я ничего не мог проглотить, кроме воды. Взрослые не настаивали, чтобы я ел. Да это было и бесполезно. Любая еда вызывала сильную рвоту. Родные считались с моей особенностью. И даже бабушка со временем научилась говорить тихо.

Так прошло два года. Я стал почти нормальным мальчиком. Но беда пришла, откуда не ждали.

Был обычный будничный день. Мама рано утром ушла на службу, а бабушка, по своему обыкновению, затеяла плюшки с творогом. По квартире разносился ароматный запах печеного теста и сдобренной ванилью творожной начинки. Я красками рисовал картину, на которой пытался изобразить спящую кошку.

Бабушка бесшумно материализовалась в дверном проеме и тихим голосом позвала к чаю. Мы прошли на кухню. На столе стояло большое блюдо, доверху наполненное свежей выпечкой, заварной чайник, чашки и вазочка с клубничным вареньем.

Бабушка разлила чай по чашкам, пожелала приятного аппетита, и мы приступили к трапезе.

– Сегодня чудесный весенний денек. Не пойти ли нам в городской сквер покататься на каруселях? Что скажешь?

– Пошли, дорогая бабушка. Только можно я буду кататься на верблюде?

- Конечно, можно. А почему именно на верблюде?
- Потому что на нем удобно сидеть, у него два горба.

– Ха-ха-ха, – почти беззвучно засмеялась бабушка, а потом вдруг закашлялась, схватилась за грудь и упала с табуретки на пол.

Бабушка дернулась пару раз и замерла, глядя в потолок открытыми глазами. Рядом лежала надкушенная плюшка и разбитая вдребезги чашка. Чай маленькой темной лужицей застыл на виниловом полу.

Я не понимал, что произошло. Зачем бабушке надо было падать на пол и лежать на нем. Если она хотела отдохнуть, то можно было прилечь на кровать. Но я не решился сказать ей об этом.

- Бабушка, большое спасибо за плюшки, они очень вкусные.

Но бабушка ничего не ответила. Я вышел из кухни и плотно закрыл за собой дверь. Пусть бабушка отдыхает, если ей так нравится.

Электронный замок щелкнул во входной двери. Мы с кошкой вышли в коридор встречать маму с работы.

- Здравствуй, мамочка! – я обнял ее за угловатые колени.
- Здравствуй, сынок! А где бабушка?
- На кухне отдыхает.
- Странно. Ладно, пошли посмотрим, что она там делает.

Мама открыла кухонную дверь, и лицо ее страшно перекосилось. Она бросила сумку на пол, подбежала к бабушке и стала ее трясти.

- Да как же так, как же так!

Потом она закрыла лицо руками и беззвучно заплакала. Ее худые плечи содрогались от рыданий. Я понял – случилось что-то страшное и непоправимое, подошел к маме и погладил ее по голове.

- Не плачь, мамочка.

Она как будто очнулась. Ей хотелось кричать, но она не могла себе этого позволить – рядом стоял я, ее особенный сын, и испугать меня криком она просто не имела права.

– Хорошо, сыночек, иди в свою комнату. Сегодня у нас тяжелый день. Мне многое нужно сделать.

Так в возрасте пяти лет я первый раз повстречался со смертью.

Когда я проснулся, бабушки уже не было в нашей квартире.

- Мама, а где бабушка?
 - Сыночек, сегодня бабушка уходит от нас, мы должны ее проводить.
 - Мамочка, а куда она уходит?
 - На небо, туда уходят все люди, когда заканчивается их земной путь.
- Я умылся, мы собрались, вызвали такси и поехали в ритуальный зал.

Когда его дверь распахнулась, мне показалось, что я попал в сказку. Все помещение было украшено живыми цветами, посередине возвышался постамент из красного дерева, а на нем стоял гроб, обитый красным бархатом, в нем лежала моя бабушка. Она была такая умиротворенная, спокойная и намного красивее, чем при жизни.

Мы подошли ближе, и я почувствовал запах, который потом запомнил на всю жизнь: аромат свежей сосны и красных гвоздик. Неизменный запах последнего человеческого ложа.

Кроме нас больше никого не было. У мамы не было подруг, а у бабушки – других родственников.

Заиграла тихая траурная музыка. Сотрудник ритуальной службы произнес торжественную прощальную речь, а потом сказал, что мы можем попрощаться с усопшей.

Мама подошла, наклонилась и поцеловала бабушку в лоб. Я тоже подошел и сказал маме, что хочу поцеловать ее. Она приподняла меня, и я прикоснулся к бабушкиному лбу. Губы ощутили приятную прохладу, я вдохнул слащавый запах обработанного мумификатором тела и полюбил этот необычный аромат навсегда. А еще я вернул бабушке ее поцелуй. Думаю, она осталась довольна.

Тихая слеза скатилась по маминому бледному лицу. Я не понимал, почему мама так расстраивается, ведь по всему было видно, что бабушке хорошо, и свидетельством тому была легкая довольная улыбка на ее накрашенных розовой помадой губах.

Рабочие попросили нас посторониться. Они накрыли гроб крышкой, прижали ее специальными зажимами, робот-подъемник переместил его на каталку, которая доставила гроб к специально оборудованному автобусу. Когда погрузка закончилась, мы с мамой сели рядом, катафалк тронулся и медленно поехал к городскому кладбищу.

У каждого человека случаются важные события, определяющие дальнейшее направление всей последующей жизни. Этот день стал для меня знаковым.

Автобус заехал на территорию кладбища и подвез нас к месту захоронения. Мы с мамой вышли и оказались рядом с недавно выкопанной могилой. Майский солнечный день находился в самом разгаре, но кладбище было погружено в торжественную благоговейную тишину. Запах свежей земли приятно щекотал ноздри. Мраморные надгробия соседних могил отражали солнечные лучи, и кругом, где только можно, цвели диковинные цветы разных расцветок: белые, розовые, лиловые, голубые и синие. Я только потом узнал, что это люпины, молчаливые спутники городов мертвых.

Погребение было полностью роботизировано. Ловкие механизмы опустили гроб в яму, засыпали его землей, сформировали небольшой холмик и установили табличку с бабушкиной фотографией и указанием дат жизни.

Катафалк уехал, сотрудник кладбища ушел, а с ним укатили и его погребальные помощники. Мама положила на могилу букет красных гвоздик, мы немного постояли в тишине.

– Мама, а почему бабушку закопали, ты же говорила, что она сегодня уйдет от нас на небо?

– Сынок, это закопали ее тело, а душа улетела далеко-далеко в небеса.

– Душа? А что это такое?

– Это шарик света, который живет в груди каждого человека.

– В груди? И у меня тоже?

Я схватился за свою грудь, но не обнаружил никакого шарика, хотя разве можно потрогать свет, можно только почувствовать его тепло.

– И у тебя тоже, дорогой, – улыбнулась мама, – когда вырастешь, сам поймешь это.

Мы попрощались с бабушкой, взяли за руки и пошли к выходу. Я никогда и нигде не чувствовал себя таким счастливым, как в этом месте.

Тишина, нет мирской суеты, только мраморные и гранитные надгробия возвышаются над могилами. В пять лет я понял, что нашел то место, где бы хотел провести всю оставшуюся жизнь. В детском сердце зародилась мечта, которая в последующем и определила смысл моего дальнейшего земного бытия.

Глава 3

После ухода из жизни бабушки я как-то сразу повзрослел, да и занятия с психологом дали свои результаты. Меня приняли в детский сад, который находился в шаговой доступности от нашего дома. Я уже научился переносить громкие звуки, хотя они так же резали мне слух, но, по крайней мере, я умел крепко закрывать уши, чтобы они стали тише.

Наша группа называлась «Солнышко», и в ней было пятнадцать человек – семь мальчиков и восемь девочек. Мне не доводилось раньше бывать в таком большом детском коллективе.

В саду вся жизнь подчинялась определенному распорядку. Когда в одно и то же время ешь, спишь, рисуешь, гуляешь и ходишь в туалет, то превращаешься в маленького робота. Пятнадцать маленьких роботов проживали свои детские годы в уютном детском саду, пока родители зарабатывали на жизнь.

Но меня такой расклад вполне устраивал, тем более что другой, параллельный мир всегда существовал в моей голове. Я стал понемногу осознавать, что не такой, как все, что внутри меня живет еще один человек – милый, нежный и ранимый, а внешняя оболочка служит только для того, чтобы предохранять его от внешнего воздействия. Мой маленький человечек вырывался наружу, только когда мы с детьми играли в песочнице. Нормальные детишки лепили куличики, а я непроизвольно лопаточкой сооружал могильные холмики. Воспитатели принимали их за диковинные пироги, но я-то точно знал, что это могилки.

Мой человечек часто мечтал о кладбище. Он уже тогда знал, что это будет единственное место, где он сможет выходить наружу и быть самим собой.

Первый адаптационный год в детском саду прошел спокойно, я больше молчал и приглядывался. Шумные игры меня совсем не прельщали, нравилось рисование и чтение. Воспитатели заметили мою склонность к уединению и позволяли заниматься творчеством чуть дольше, чем положено по программе.

Сотоварищи по детскому заведению тоже сильно не тревожили. Особенно мне нравился тихий час, когда в саду все замирало. Я раздевался и ложился в кроватку, закрывал глаза, но не спал. Начиналось раздолье для моих фантазий.

Шесть лет – это, конечно, не время для любви, но именно в этом возрасте я влюбился. Объектом моих грез стала худенькая большеглазая Лида, тихая девочка, которая также любила рисовать. Мы с ней почти не разговаривали, но я точно знал, что нравлюсь ей. Однажды, когда мой любимый серый карандаш закатился под плинтус и я не смог его достать, она отдала свой. Мое сердце переполнилось благодарностью, и в нем поселилось первое теплое чувство к человеку противоположного пола. Как потом выяснилось, оно же было и последним.

Позже в женщинах я искал нежность и доброту, а натывался на хитрость и алчность. У них было кое-что, так необходимое нам, мужчинам, и они бессовестно набивали себе цену, старались дороже отдать то, что им бесплатно досталось от природы.

Как бы там ни было, но это первое чистое чувство осталось в моем сердце навсегда. Никогда не забуду, как я зашел в туалетную комнату, чтобы помыть руки, и увидел умывающуюся Лидочку. Она подняла лицо и посмотрела мне прямо в глаза. Это был трепетный взгляд олененка, в нем перемешались беспокойство и любопытство одновременно. Прозрачные капельки воды застыли на ее немного впалых белоснежных щеках.

– Привет! – Я не знал, что сказать. – Как дела?

Это все, что пришло мне в голову в тот момент, я заметил, так всегда делали взрослые, когда не знали, о чем говорить.

– Хорошо! – улыбнулась девочка и потянулась за полотенцем.

Я подал ей полотенце.

– Спасибо за карандаш.

– Пожалуйста, он мне все равно не нравился, я не люблю серый цвет.

Она хотела улыбаться весело, а получалось как-то грустно.

Мой человечек ухватил меня за сердце и стал его крепко сжимать. Я так и остался стоять с раскрытым ртом, не в силах больше говорить. Лида вытерлась, повесила полотенце, еще раз улыбнулась и пошла в группу.

Через две недели ее не привели в сад, и больше я ее не видел.

После того как Лидочка перестала посещать садик, детское заведение стало мне в тягость. Только я переступал порог, меня охватывало тягучее чувство одиночества. Ощутимая физическая боль спицей прокалывала грудную клетку. Но еще хуже было, когда этот чертов человечек сжимал в своем крепком кулачке мое бедное сердце.

Мне все время казалось, что от меня отрезали часть тела и кровь льется прямо на ковер игровой комнаты. Я хорошо себя осматривал – руки и ноги были на месте, но почему же мне так было больно? Трудно понять, что такое утрата, когда тебе семь неполных лет.

Только теперь я понимаю, как мне не хватало ее, моей тоненькой белокурой девочки с глазами испуганного олененка. Ее светлый образ навсегда остался в моем сердце.

Однажды на прогулке, проходя мимо бесечно болтающих воспитательниц, я услышал обрывок разговора.

– Надо же, умереть в наше время от отека легких, это просто нонсенс!

– И все же Лидочки больше нет с нами, славная была девочка...

Именно после этого случайно услышанного разговора боль в моей душе притупилась. Нет! Лидочка не покинула меня, просто она ушла на небо, и ей там хорошо. А еще она никогда не полюбит другого мальчика и останется только моей любимой девочкой навсегда.

Вот в таких недетских переживаниях и закончилось мое детство.

В семь лет вместе со всеми детьми я пошел в школу. Учиться было легко – мой человечек всегда подсказывал верные ответы. Даже когда я не удосуживался выучить урок, стоило только попросить его – и все, что мне оставалось, это просто открывать рот. Нужные слова сами складывались в предложения, и хорошая оценка была обеспечена.

Я никому не рассказывал о тайном жителе своей души, даже маме. Я привык к нему, мне никогда не было одиноко, мы всегда могли с ним поговорить и помечтать. Было только одно «но»: я ни с кем из обычных людей не мог сблизиться. Одноклассники пытались наладить со мной дружеские контакты, но все было тщетно.

Я походил больше на обычную серую моль – вроде бабочка, а вроде и личинка, обладающая умением сливаться с окружающим миром. О ней можно было узнать, только когда обнаруживалась дырка в одежде, – а так абсолютно безобидное создание. Так ко мне все и относились – просто не замечали.

Тяжело мне было только в периоды полнолуния. Луна огромным белым яблоком повисала над городом. Мой человечек начинал беспричинно волноваться. Тогда вечером я надевал флисовую куртку с капюшоном и отправлялся на кладбище, там присаживался возле могилы какой-нибудь безвременно ушедшей девочки, смотрел на ее фотографию, и он успокаивался.

Когда из-за облаков выплывала желтая колдунья, я возвращался домой. Маме говорил, что ходил в кинотеатр, и она мне всегда верила. Моя бедная наивная мама. Но если бы она узнала причины моего отсутствия лунными вечерами, то стала бы сильно переживать, а мне совсем не хотелось этого. Мама была единственным человеком, которому я был по-настоящему дорог.

Я учился хорошо, все предметы мне давались легко, но больше всего нравилась история, и уже в средних классах я определился с выбором профессии. Моей целью стал Московский

университет, исторический факультет, вспомогательная дисциплина – некрополистика, главным предметом изучения которой являлись кладбища, их описание, изучение и сохранение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.